

в языке, автор употребляет поговорки и пословицы. В этом отношении «Житие Ромила» сближается с житиями Епифания Премудрого. Но вместе с тем «в Житии Ромила нет, собственно, „плетения словес“, т. е. пользования однокоренными и созвучными словами, ассонансами, синонимикой и ритмикой речи для создания своеобразного словесного орнамента»,⁴⁴ т. е. нет как раз тех черт, которые наиболее характерны для стиля Епифания Премудрого. †

Таким образом, сопоставление произведений Епифания Премудрого с современными ему южнославянскими памятниками агиографии показывает, что вопрос о взаимоотношении русских житий и южнославянских, написанных в период так называемого второго южнославянского влияния, очень сложен и требует всестороннего и обстоятельного исследования.

Наиболее последовательным и законченным выразителем принципов второго южнославянского влияния в русской агиографии, определившим характер дальнейшего развития этого жанра древнерусской литературы, считается Пахомий Логофет. Изучение житий, написанных Пахомием, имеет принципиально важное значение для исследования вопросов взаимоотношения русского и южнославянского агиографических стилей.

Творчество Пахомия на Руси охватывает значительную часть XV в. — 30—80-е годы, т. е. хронологически значительно более поздний период, чем время создания агиографических произведений Киприаном и Епифанием Премудрым. Этот факт уже сам по себе заставляет рассматривать творчество Пахомия в сопоставлении с творчеством его непосредственных предшественников на Руси, а также и с более ранними русскими житиями, что, на наш взгляд, делалось до настоящего времени недостаточно полно.

Вероятно, не без влияния епифаниевской похвалы-плача Стефану Пермской церкви написана Пахомием похвала новгородских церквей церковностроительной деятельности Евфимия, архиепископа Новгородского: «Прииди к великому храму Премудрости божия и возведи окрест очи свои, и тамо видиши пресветлыи храмы святых яко звезды или горы стояща, иже от него създаныя. Аще и не гласом — вещьми же вопиют и свою красоту по разньству поведающе, яко вещьми рещи: сия архиепископ Евфимие дарова ми. Иная же церкви яко хваляшеся и свое благолепие являючи, вещьми глаголет: сим мене украси. Иная же приглашает той, вещьми глаголет: и мне от основания воздвиже. Храм же великаго Иоанна Златоустаго, высоко стоя, иже от него създанный, и яко рукою того благословляет, глаголя: Понеже храм воздвиже на земли, аз умолю творца храмы тебе даровати на небесех. Великий же храм Премудрости божия, яко град царя великаго, посреде их стоя, иже многими леты обещавш, его же той обнови и в прежнее благолепие обнови и многими добротами и иконами украси, яко перстом того показывает, глаголя вещьми к нему: Се убо красота моя и похвала церкви, Евфимие великий!»⁴⁵ Вслед за этой похвалой Евфимию новгородских храмов Пахомий рассказывает о постройке Евфимием каменных палат и часозвони. Эта подробная характеристика построенных Евфимием каменных зданий архиепископского двора — единственный пример такого описания в агиографических произведениях Пахомия и, очевидно, в агиографии вообще. Эту особенность пахомиевского «Жития Евфимия» есть все основания

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи, стр. 53.

⁴⁵ Повесть о Евфимие, архиепископе новгородском. — Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 19.